

За четыре года своего существования радиостанция «Эхо Москвы» стала одной из популярнейших. Анатолий Суренович Агамиров здесь музыкальный обозреватель. Говорлив, обаятелен, точен в выборе тем и собеседников. За то и любим многочисленными и благодарными слушателями. Кстати, «Эхо Москвы» — единственная радиостанция, где москвичи блистают своими музыкальными знаниями в агамировских викторинах.

Анатолий АГАМИРОВ:

«Когда рок-музыкой увлекаются взрослые люди, мне их просто жаль»

— Анатолий Суренович, почему вы именно «Эхо» выбрали местом работы?

— Все получилось случайно. Был 1990 год, радиостанция существовала всего два месяца, вещала два часа в сутки. В то время на «ЭМ» работали только Сергей Корзун, Татьяна Пелипейко, Сергей Бунтман, Алексей Венедиктов и два звукорежиссера. Меня попросили сделать сообщение о группе «Музыканты Лувра». Бунтману моя работа понравилась.

— И вы стали быстро набирать обороты?

— Нет. Поначалу «ЭМ» произвело на меня впечатление своим колоссальным профессионализмом, резко отличающимся от структур Гостелерадио, к которым я привык. Собственные передачи и рубрики появились у меня только к 92-му году. «Гимны стран мира», «Легкая музыка»... Я стал делать по 4—5 больших программ в неделю, а затем создал большую воскресную передачу «Musica stricta». Вкусивши радиосвободы, я был в полном восторге и совершенно не обращал внимания, сколь скромно за это платили. Чувство «микрофонной свободы» ни с чем не сравнимо.

— Что-нибудь изменилось с переездом «Эха Москвы» с Никольской на Новый Арбат?

— На Никольской у нас было тесное помещение, и я пророчествовал, что, когда переедем на Калининский, приобретем комфорт, но кое-что потеряем. Мне кажется, мы потеряли неофициальность и все больше и больше начинаем быть похожими на Гостелерадио.

— Почему?

— Официальное здание, вахтеры внизу — все это, видимо, действует...

— Этот процесс можно повернуть вспять?

— Его повернет жизнь. Я вовсе не накликаю беду на голову, но мы начинаем лучше работать во время тектонических политических потрясений. В памятные события 91-го и 93-го годов я проводил на радиостанции все время. Все ее отклонения, запреты и пред-

полагаемые аресты пережил вместе со своими коллегами.

— Ваша работа на радио связана только с музыкой?

— Каждый говорит о том, что он знает. Я делаю много спортивных комментариев по теннису. А не так давно шёл мой спортивный комментарий на очень невеселую тему: умер мой друг, великий футболист Альберт Шестернев.

— Известно, что вы были хорошим профессиональным музыкантом. Почему вы бросили исполнительскую карьеру?

— Я был и виолончелистом, и контрабасистом, играл на виоле да гамба. Закончил ЦМШ, Московскую консерваторию, потом, в 1964 году — музыковедческую аспирантуру. Работал в Камерном оркестре у Тэриана, в Московской филармонии, в Камерном оркестре Рудольфа Баршая. Но совмещать занятия музыкой, гастроли и работу журналиста просто невозможно.

— Как появилась ваша знаменитая музыкальная викторина?

— Эта передача в 16.30 по вторникам чем-то напоминает «Угадайку» на радио до войны, я всегда ее слушал. Я убежден, что на половину вопросов, которые я задаю, не ответили бы и двое из трех студентов консерватории. А слушатели отвечают и выигрывают! Я сижу в полном проигрыше — и не только я, но и наша дирекция, которая покупает призы. Поражен музыкальной эрудицией москвичей!

— Одна из самых интересных ваших передач на «ЭМ» — «Musica stricta». Что за название?

— Не скрою, своего рода плагиат. Так называется одно сочинение композитора и музыканта Андрея Волконского. В переводе это означает — музыка сублимированная, сгущенная, доведенная до краткости формулы. На 45 минут мне дают карт-бланш, я сам назначаю себе темы, сам приглашаю собеседников.

— По какому принципу?

— Ко мне очередь стоит. Люди сами звонят и предлагают себя в качестве собеседни-

ков. Но собеседник должен быть интересен для меня, иначе ничего не получится. Бывает, приходят люди с совершенно неожиданными выступлениями, и я корю себя: «Как же это я не подготовился к такому интересному разговору!» Иногда начинаются состязания в талейранщине и меттерниховщине, как это было у меня с Борисом Александровичем Покровским. Каждый из нас думал: «Я знаю, где ты мне хочешь подставить ножку, и я тебе не дам!»

— Какие передачи считаете наиболее удавшимися?

— Не так давно была передача, посвященная 100-летию со дня рождения Арнольда Шёнберга, в которой участвовал покойный сегодня композитор Николай Каретников. Достижением была беседа с Юлианом Паничем — не музыкальная, скорее историко-культурная, я бы сказал. Каждый играющий в теннис знает: чем у тебя сильнее партнер, тем ты лучше играешь. Когда с тобой рядом сидит такой выдающийся радиожурналист, как Панич, ты поневоле прыгаешь выше головы. Но, как правило, у меня бывают в гостях не журналисты, а композиторы. Это наиболее твердокаменный материал для радиожурналистики: они плохо говорят. И дирижеры — материал нелегкий. Дело в том, что я хорошо разбираюсь в этой профессии и задаю им неприятные вопросы. Но пианистов я всегда щажу. В крайнем случае они могут напомнить мне (как это сделал директор ЦМШ), что у меня была тройка по общему фортепиано.

— Анатолий Суренович, у вас намечаются гости, которые обещают стать сенсацией?

— Я все надеюсь встретиться в эфире со Святославом Теофиловичем Рихтером в передаче, посвященной его восьмидесятилетию. Но не знаю, удастся ли мне близко подвести его к зданию «ЭМ». Все часы у него расписаны, он повязан контрактами, как заказное письмо. Я

хорош натурально. Это все равно что слушать разговоры о сексе. Я не теоретик, я практик. Танцевать рок-н-ролл, слушать рок-музыку — это для подростков, которым просто не хватает выхода сексуальной энергии в ее естественном проявлении. Когда этим занимаются взрослые люди, мне их просто жаль.

— Молодежная музыка — это всегда плохо?

— Нет, но у нее есть свои худшие проявления. Впрочем, никогда нельзя воевать с жанром! Как объявили при Сталине (с легкой подачи Горького), что джаз — музыка толстых, так и пошло. Он где-то болтнул — а они возвели в ранг государственной политики. В каждом жанре есть образцы плохие и хорошие. Нельзя так: масскультура — и уже ругательство. Ничего подобного! Сделать грамотный классный сценарий к боевику, к вестерну, как «Великолепная семерка», может далеко не каждый. А написать толстый заумный роман вроде «Пушкинского дома» Битова — это могут многие. Я как профессиональный музыкант не могу серьезно относиться к рок-музыке: в ней мне не хватает информации.

— Почему вы предпочитаете работать в открытом эфире?

— По натуре своей я артист. Я выхожу в открытый эфир, как на сцену, и даю выход своим артистическим возможностям. И, чего греха таить, даже не располагая чисто фактическим материалом, я просто актерски дотягиваю какие-то вещи. Это страшный труд. Два или три раза в неделю, если это не запись, я «выхожу на сцену», да еще при этом сочиняю пьесу. Другое дело — запись: я прекрасно знаю, что, если сейчас лягну что-нибудь не то — остановят пленку, я перепишу, режиссер смонтирует. Но это совсем другая работа. Все получается более гладко и менее ценно.

— Текст вы читаете?

— Импровизирую. Музыка у меня служит таким основным материалом, скелетом. Я могу заготовить дома что угодно. Но, как это часто бывает в творческом труде, я сижу в студии, слушаю музыку, и вдруг она приводит меня к совершенно другим мыслям, и я начинаю говорить вовсе не то, что подготовил дома.

— Вы ощущаете обратную связь у микрофона?

— Ощущаю. Обычно в студии кто-нибудь присутствует: ил.: ведущий, или оператор. Я начинаю говорить для него, а не в микрофон для какого-нибудь там абстрактного слушателя. Как правило, этот прием хорошо срабатывает. На телевидении, когда меня снимают, я рассказываю ассистентам, которые возят тележку с камерой. Если я вижу, что им интересно, значит, я попадаю, куда нужно.

— Не хотелось бы вам иметь собственную программу на телевидении?

— Меня, телевидение отпугивает. Радиожурналистика — это я и микрофон, музыка и звукорежиссер. На телевидении — это телекамеры, техника, много народу, все время в паузе подбегает человек, который тебе гудрит лоб, вытирает пот с носа и подкрашивает губы и глаза, что у меня вообще вызывает некоторое смущение. «Радиоскетцизм» мне куда более приятен и привычен. Хотя, конечно, иметь на ТВ свою рубрику заманчиво. У меня там была серия программ с главным редактором газеты «Утро России» Юрием Белявским на тему «Семья Сац», к которой я принадлежу.

— Вы родственник Сацев?

— Да, моя мама — Сац, из крупной интеллигентной семьи с двухсотлетней историей. Обычно вспоминают моего дядю, Илью Александровича Саца, музыкального руководителя МХАТа. И мою двоюродную сестру — Наталью Ильиничну Сац. А такая выдающаяся женщина, как Наталья Александровна Розенель-Луначарская, жена наркома, — тоже урожденная Сац и моя тетка.

— То есть вы связаны и с домом Луначарского?

— Луначарский умер за четыре года до моего рождения. Я просто воспитывался в квартире, где он жил, делал уроки за его письменным столом, литературу изучал по книгам с его отметками на полях. Но у нас разные убеждения: он марксистский эстетик, большевик. А я всегда, даже когда это было чрезвычайно опасно, был настроен антикоммунистически.

— А кто был ваш отец?

— Профессиональный революционер и партийный работник. Когда его арестовали, он был заместителем Орджоникидзе по наркомату тяжелой промышленности. А там всех перестреляли, начиная с самого Орджоникидзе. Я никогда своего отца не видел, его арестовали, когда мне было два месяца.

Впрочем, это уже тема для совсем другого разговора...

Гостя принимал
Антон АБЕЛИТ.

Фото Игоря ИВАНДИКОВА.